

Ева Валетти ♥

ДВОЕ ВЗРОСЛЫХ,
ДВОЕ ДЕТЕЙ
И ОДНА БЕЗУМНАЯ ИДЕЯ
НА ЧЕТЫРЕХ

Операция
«ПОЖЕНИТЬ
РОДИТЕЛЕЙ»

Ева Валетти

Операция "Поженить родителей"

<https://litres.ru/74490569>

SelfPub; 2026

Аннотация

Испорченный костюм, черничный йогурт и взаимная неприязнь. Дизайнер и бизнесмен мечтают больше никогда не видеть друг друга. Но их восьмилетние дети в летнем лагере уже составили «Свадебный план» и готовы устроить родителям череду летних авантюр.

Сможет ли железная логика устоять перед творческим хаосом, когда на их пути встанут маленькие гении заговора... и одно очень неожиданное собеседование?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	36
Глава 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Операция "Поженить родителей"

Глава 1

Кроссовок пропал.

Нет, серьёзно. Я стояла посреди автовокзала в офисном костюме, на каблуках, с волосами, уложенными в причёску «я-серьёзный-профессионал», и рылась в спортивной сумке восьмилетнего сына, выбрасывая оттуда носки, панамку и зачем-то упаковку мармеладных мишек.

Левый кроссовок. Синий. С волком на липучке. Его нигде не было.

— Тёмка. — Я подняла голову. — Где. Твой. Кроссовок.

Тёмка стоял в метре от меня и с абсолютным спокойствием жевал яблоко.

— Может, дома?

— Дома?! — Я чуть не уронила сумку. — Ты положил один кроссовок и не заметил?

Он пожал плечами.

— Я думал, ты второй положишь.

Я закрыла глаза. Досчитала до трёх. Открыла.

Автобус до лагеря отправлялся через двенадцать минут. Собеседование в рекламном агентстве — через полтора ча-

са. Я ждала этого шанса четыре месяца. Четыре. И вот теперь я стояла на коленях перед набитой битком спортивной сумкой, а вокруг носились дети с рюкзаками, мамы с пакетами, и в дополнение кто-то кричал в телефон про сменную обувь.

— Ладно, — я выдохнула и начала запихивать вещи обратно, — поедешь так. В субботу привезу второй кроссовок.

— А если не привезёшь?

— Почему не привезу? Сказала же — привезу.

— Ну а если не получится?

— Издеваешься? — Я строго посмотрела на сына. — Тогда будешь ходить как пират. Одноногий.

Тёмка хмыкнул. Его это, кажется, устраивало.

Я поднялась, отряхнула колени — на чёрных брюках осталась пыльная полоса. И огляделась.

Площадка перед автобусами выглядела как сцена из фильма-катастрофы, только вместо метеоритов — чемоданы, а вместо спасателей — вспотевшие родители.

Женщина справа от меня пыталась одновременно намазать ребёнку нос кремом от солнца и дозвониться до бабушки. Мужчина слева ругался с водителем по поводу багажа. Девочка лет десяти сидела на чемодане и редела, потому что мама не положила фиолетовую подушку.

И только один человек на всей этой площадке пребывал в абсолютном спокойствии.

Мужчина в светло-бежевом костюме. С иголки. Ни складочки, ни пятнышка. Рубашка — белоснежная. Ботин-

ки — блестят. Волосы — как из рекламы шампуня. Он что, вообще не потеет? В июле-то?

Рядом с ним стояла девочка — ровесница Тёмки. Аккуратная косичка, новенький розовый рюкзак, белые кеды. Она держала за ручку маленький чемоданчик на колёсиках и выглядела так, будто собиралась не в лагерь, а на обложку детского журнала.

Мужчина присел на корточки перед ней — даже в этом движении что-то раздражающе аккуратное — и поправил лямку рюкзака.

— София, если что-то будет не так, ты звонишь мне сразу.

— Пап, я знаю.

— Номер вожатой у тебя в телефоне?

— Да.

— Аптечка?

— В переднем кармане чемодана.

У меня аж зубы свело. Аптечка. У Тёмки в переднем кармане спортивной сумки лежала всякая дребедень: жвачка, три камня «на удачу» и сломанный брелок.

Я перевела взгляд на сына. Пятно от сока на футболке. Час назад была чистая.

— Тём, ты когда успел?..

— Что?

— Пятно посадить... что.

Он скосил глаза на свою грудь.

— А, это. Это было.

— Не было.

— Было.

Я решила не спорить. Времени не осталось.

— Так, слушай меня. Садись в автобус, ведёшь себя нормально. Не спорь с водителями, не бегай по проходу. В лагере не шастай по крышам.

— По каким крышам?

— По любым. Ешь нормальную еду. Звони мне каждый вечер. Если забудешь — я сама позвоню. Три раза.

— Мам.

— Четыре.

Тёмка закатил глаза, но обнял меня. Крепко, обеими руками, уткнувшись носом в плечо. Я вцепилась в него и на секунду подумала, что, может, никакой лагерь ему не нужен, да и собеседование не нужно, и мы просто поедem домой и будем есть мороженое на балконе. А потом соберёмся и махнем к бабушке в деревню. Ну что ещё надо для счастья?

Потом он отстранился и сказал:

— Мам, ты мне пиджак помяла.

Но у него не было пиджака. Пиджак был на мне. А на нём — только мятая футболка с пятном. Но он уже хохотал, и я тоже.

— Иди давай, шутник.

Он подхватил сумку и побежал к автобусу. Мой маленький пират.

Я выдохнула, расправила плечи, достала бутылку чернич-

ного йогурта — завтрак, до которого так и не добралась, — и открутила крышку. Глоток. Хотя один глоток перед тем, как мчаться на собеседование. Я это заслужила.

Шум вокруг постепенно стихал. Автобус загудел. Родители махали, кто-то утирал слёзы, кто-то уже уткнулся в телефон.

Мужчина в бежевом костюме стоял чуть впереди и смотрел, как его дочь устроилась у окна. Кстати, рядом с моим сыном.

Его идеальная дочь то и дело махала ему на прощание. Он поднял руку в ответ.

Я сделала шаг вперёд, чтобы тоже помахать Тёмке.

И тут мой каблук наступил на что-то и... поехал.

Я качнулась. Попыталась удержаться, но ничего не вышло.

Взмахнула руками. В правой была открытая бутылка черничного йогурта.

Тело летело вперёд. Бутылка — вместе ним. А прямо на траектории падения, ровно в эпицентре катастрофы, стоял мужчина в безупречном светло-бежевом костюме.

Он обернулся. И бровь его поехала вверх.

Глава 2

Шлёп.

Именно такой звук издаёт открытая бутылка черничного йогурта, когда встречается с итальянской шерстью.

Я лежала на асфальте. Рядом — мужчина в бежевом костюме. Точнее, в бывшем бежевом. Теперь он выглядел как место черничного преступления. Пиджак, рубашка, половина брюк — всё в фиолетовых разводах.

Бутылка откатилась в сторону и остатки лениво капали на асфальт.

Секунду мы оба молчали.

Потом он повернул голову и посмотрел на меня. Я в жизни такого взгляда не встречала. Любой психотерапевт выписал бы ему рецепт. И мне — за компанию.

— Вы, — начал он спокойно, — только что вылили на меня йогурт.

— Технически, — я села, потирая локоть, — я упала. А йогурт вылился сам.

— Сам, — повторил он.

— Ну да.

Мужчина медленно поднялся и протянул мне руку. Но я улыбнулась и встала сама. Он осмотрел пиджак. Рубашку. Брюки. Потом поднял глаза на меня.

— Этот костюм сшит на заказ.

— Я оплачу химчистку.

Он снял с рукава кусочек ягоды и посмотрел на него.

— Это черника. На итальянской шерсти. Химчистка тут бессильна.

Колени саднили. На колготках — дыра. Ладони в мелких царапинах. И вот этот человек, залитый моим йогуртом с ног до головы, стоял и читал мне лекцию про итальянскую шерсть.

— Знаете, — я отряхнула юбку, — можно было для начала спросить, всё ли у меня в порядке. Я тоже упала. Если вы не заметили.

— Вы упали на меня. Это сложно не заметить.

— Я споткнулась!

— И каким-то образом из всех возможных направлений выбрали именно моё.

Я вдохнула. Выдохнула.

— Ладно. Я понимаю вашу проблему. Мне правда жаль. Но вы ведёте себя так, будто я это сделала нарочно.

— А как это выглядит со стороны?

— Как несчастный случай! Люди спотыкаются. Это бывает. Мне ещё и тридцати нет, и я имею право споткнуться.

— Это как раз тот возраст, когда большинство людей уже умеют ходить. И держать предметы. А также ответственность за свои действия.

Я уставилась на него.

— Нести ответственность? Я пролила йогурт, а не подо-

жгла ваш дом.

— Вопрос не в масштабе. А в подходе. Споткнулись — и сразу «несчастный случай». Никакой ответственности. Это, простите, инфантильность.

Вот тут меня накрыло.

— Инфантильность?! Вы серьёзно? Вы мне диагноз ставите? Вы что — доктор? Психолог? Или просто робот-зануда, которого забыли выключить?

Он моргнул. Один раз. Другой. И даже третий.

— Робот-зануда, — повторил он, и его бровь поползла вверх.

— Именно. — Я скрестила руки. — Стоите тут в своём костюме на заказ и вещаете о зрелости. Вы хоть раз в жизни что-нибудь роняли? Проливали? Спотыкались?

— Нет.

— Ну конечно нет.

Какое-то время мы стояли друг напротив друга. Он — весь в чернике. Я — с ободранными коленями. Вокруг — родители, которые старательно делали вид, что ничего не происходит.

За нашими спинами фыркнул мотор. Автобус дёрнулся и начал выруливать с площадки.

Я обернулась.

Тёмка. Автобус уезжал. Я даже нормально его не проводила из-за этого... как бы его назвать.

Сын прижался носом к стеклу и показывал мне большой

палец. Рядом сидела девочка с розовым рюкзаком. Оба улыбались.

Автобус свернул за угол и исчез.

Я повернулась к мужчине. Он промокал рубашку салфеткой. Разводы только больше расплзались.

— Послушайте. — Я полезла в сумку и выудила визитку. Чуть мятую. — Вот. Позвоните, я компенсирую.

Он взял визитку двумя пальцами. Прочитал.

— Алёна Волкова. Дизайнер.

— Да. Удивлены, что не цирковой клоун?

Уголок его губ дрогнул.

— Нет. Клоуны обычно падают изящнее.

Развернулся и ушёл. Прямая спина, уверенный шаг, светлый костюм с разводами. Моя визитка в его руке.

Блеск. Просто блеск.

Дети...

Тёма устроился у окна и первым делом проверил карманы. Жвачка — на месте. Камни — тоже. Брелок... ладно, он развалился ещё дома.

Девочка рядом принялась раскладывать вещи: бутылка воды — в сетку на спинке сиденья, салфетки — в карман рюкзака, кожаный блокнот — на колени.

Тёма покосился.

— Это что?

— Планер. Для проектов.

— А зачем?

— Надо.

Тёма пожал плечами.

— Я Тёма.

— София. Но можно Соня.

— Круто.

Соня раскрыла блокнот. Чистая страница в клетку. Розовая ручка наготове.

Тёма посмотрел в окно. Площадка давно скрылась.

— Видела, что случилось с нашими родителями?

— Видела. — Соня поджала губы. — Папа будет в ужасе до вечера.

— А моя мама будет переживать до завтра. Она вообще постоянно переживает. Теряет ключи, забывает зарядить телефон, путает, где поставила машину...

— Мой папа не улыбался со времён динозавров, — вздохнула Соня. — Но он заботится обо мне.

Тёма присвистнул.

— Это давно.

— Очень. Он много работает. И каждый вечер проверяет, сделала ли я домашку. А вообще-то сейчас каникулы.

— А маме нужен кто-то, кто всё помнит и ничего не теряет. Но она очень добрая. — Тёма помолчал. — А где твоя мама?

— Ушла, когда я была маленький, — вздохнула Соня. — А твой папа где?

— Тоже ушёл. — Тёма вздохнул и вдруг его голову озаорила странная мысль. — А может нам...

Соня подняла глаза. Посмотрела на Тёму. Тёма смотрел на Соню.

— Точно, — сказала она.

Щёлкнула ручкой. Ровным почерком вывела на первой странице:

«Проект: поженить родителей».

Тёма заглянул.

— Тогда составим план?

Соня кивнула.

Тёма откинулся на спинку кресла и сунул в рот жвачку. Что-то подсказывало ему, что лето будет интересным.

Алёна

У меня оставалось всего полтора часа.

Я заскочила домой, стянула порванные колготки, натянула запасные. Подкрасила губы. Глянула в зеркало.

Сойдёт. Если не присматриваться.

Агентство «Креатив Сити» занимало три этажа в стеклянной башне у реки. Топ-20 рекламных агентств страны, крупные бренды в портфолио, и одна вакансия креативного дизайнера, на которую я охотилась четыре месяца.

Портфолио — в сумке. Резюме — два экземпляра. Телефон — заряжен. Ладони — влажные, но это ладно.

Холл внизу — большой и мраморный. Охранник дежурно

улыбался. Пропуск на ресепшне. Лифт.

Шестнадцатый этаж.

Кабина плавно замедлилась. Я расправила плечи, выдохнула. Всё будет хорошо. Портфолио сильное. Опыт есть. Колени болят, но это неважно для работы. Главное — улыбаться и не споткнуться обо что-нибудь.

Двери разъехались.

Просторный холл. Белые стены. Панорамные окна. На ресепшне — девушка с безупречной улыбкой.

И прямо напротив лифта, на стене — портрет в тонкой рамке. Подпись: «Сергей Ветров. Генеральный директор».

С фотографии на меня смотрел мужчина в бежевом костюме. Безупречная причёска. Прямая спина. Спокойный взгляд.

Тот самый тип.

Черничный зануда.

Глава 3

Я вжала палец в кнопку «Заккрыть двери» так, будто от этого зависела моя жизнь.

Но двери почему-то не закрывались.

Я нажала ещё раз. И ещё. Никакого результата.

— Алёна Аркадьевна?

В кабину заглянула девушка с планшетом. Она широко улыбалась. На бейдже было написано: «Кристина, HR».

— Это я, — сказала я. — Но я, кажется, перепутала этаж.

— Нет-нет, всё верно! — Кристина схватила меня за руку. — Вас уже ждут. Идёмте, Сергей Андреевич не любит опозданий.

— Я просто хотела уточнить дату...

— Сегодня. Сейчас. Всё правильно.

Кристина потянула меня на себя и вытащила из лифта.

Опен-спейс занимал всё помещение до самых окон. Стекл-янные перегородки, столы стояли ровными рядами. За каж-дым столом — монитор и человек в наушниках. Всё было идеально чистым и блестело. На столах и полу не лежало ни одной лишней бумаги.

Я понимала, что не получу эту работу. Как только босс меня увидит — всё.

Но Кристина-то этого не знала. Она вела меня и щебетала:

— У нас чудесная команда. Кофе-машина на этаже, по

пятницам пицца. Сергей Андреевич — гениальный руководитель. Строгий, но справедливый.

— Строгий, — повторила я. — Очень.

Мы остановились у стеклянной двери. За ней стояло кресло, повернутое спинкой ко мне. Из окна был вид на город.

Кристина постучала и открыла дверь.

— Сергей Андреевич, кандидат на должность дизайнера. Алёна Аркадьевна Волкова.

— Пусть заходит.

Я узнала этот голос.

Кристина быстро вышла и закрыла за собой дверь. Я осталась стоять на пороге. Лифт находился в двадцати шагах от меня. Я ещё могла уйти. Но как? Развернуться и побежать? Все сотрудники в опен-спейсе это увидят. Кто-нибудь обязательно достанет телефон и начнёт снимать. Это будет выглядеть очень смешно.

Так что ничего не оставалось, и я шагнула внутрь, закрыв за собой дверь.

Кресло медленно повернулось.

Сергей Андреевич Ветров сидел, положив руки на стол. На нём был тёмно-синий костюм. Рубашка выглажена. На пиджаке и брюках не было ни одного пятна. Он успел переодеться. Волосы были ровно зачёсаны.

Его взгляд скользнул по мне снизу вверх и остановился на лице. Уголок губ дрогнул.

— Присаживайтесь. Госпожа Волкова.

Я села. Положила стол портфолио. И почему он до сих пор меня не выгнал? Просто загадка какая-то.

На столе все предметы лежали ровно. Ежедневник, две ручки — параллельно друг другу, телефон — экраном вниз. Один предмет немного выбивался из общей картины: детский рисунок в рамке. На рисунке были нарисованы кривое солнце, кот и три человека.

Я моргнула и перевела взгляд на Ветрова.

— Значит, вы дизайнер, — сказал он.

— Дизайнер.

— Который любит неожиданные способы знакомства с людьми.

— Это был несчастный случай.

— Точно. — Он открыл мою папку. — Восемь лет опыта. Фриланс. Свои проекты. Вы не работали в крупных агентствах.

— Я работаю на себя.

— Это очевидно.

Я сжала челюсти.

— И что это значит?

— Что вы не привыкли работать по системе. Соблюдать сроки. Сдавать отчёты. — Он листал страницы. — Фрилансер приходит на работу, когда захочет. Сдаёт работу, когда получится. Проливает йогурт, когда ему удобно.

— Я пролила йогурт только один раз.

— Одного раза достаточно.

Я вздохнула. Он ещё не взял меня на работу, а уже придирается.

— Вы уже приняли решение насчёт меня, да?

— Почему вы так думаете?

— По тому, как вы улыбаетесь.

Он улыбнулся ещё шире. Постучал ручкой по столу.

— Скажите честно. Вы хотите работать в команде или вам просто нужна любая работа?

— Я очень хотела работать именно здесь.

— Почему?

— Это дало бы мне хороший опыт.

Он написал что-то в ежедневнике.

— Планирование. Таблицы, статусы, этапы. Какие из этих навыков у вас есть?

— У меня есть голова.

— Голова. Так и запишем.

— Слушайте, вы серьёзно? — Я наклонилась вперёд. — Вам не нужен дизайнер. Вам нужен сотрудник, который выполняет задачи точно в срок и не задаёт вопросов.

— Вы ведёте себя дерзко для первого собеседования. Как мне это оценивать?

— Я веду себя так, потому что для меня очевидно: вы не возьмёте меня на работу.

Я открыла рот. Закрыла его. Я не понимала, откуда у меня взялась эта смелость.

— Хорошо. — Он придвинул к себе моё резюме. — По-

следний вопрос. Почему я должен взять в команду человека, который пролил на меня йогурт?

Да что же такое, опять этот йогурт!

— Потому что этот человек создаёт дизайн, который увеличивает продажи. А бутылку с йогуртом может удержать любой.

Он молчал одну секунду. Потом поднял ручку над листом так, чтобы я видела каждую букву. Написал первую — «О».

Всё ясно. Отказать.

В этот момент дверь с грохотом открылась.

На пороге вырос мужчина. Багровый, в дорогом пиджаке, с телефоном в одной руке и папкой в другой.

— Ветров! — рявкнул он. — Ваш концепт умных игрушек — унылая пустышка!

Сергей Андреевич поднялся.

— Виктор Павлович, в чём дело...

— Ну вы сами посмотрите.

Клиент швырнул папку на стол. Листы разлетелись по идеальному порядку.

— Я вас очень уважаю. Но ваши дизайнеры! Если через пять минут я не увижу живую идею — живую, а не эту жвачку! — я разрываю контракт.

Ветров смотрел на клиента. Клиент — на Ветрова.

А я сидела между ними с портфолио на коленях.

Пять минут.

Мне хватит и трёх.

Глава 4

— Сергей Андреевич, простите ради бога, — сказал клиент. — Но это, — он ткнул пальцем в разлетевшиеся по столу листы, — я мог нарисовать сам. За чашкой чая.

Ветров пристально смотрел на клиента.

Один лист лежал у моей туфли. Я подняла его.

Презентация. «Умный робот-компаньон «Тича». Розничная цена — 14 900». Ниже — раскадровка: ребёнок в белой рубашке сидит на белом ковре и аккуратно нажимает на кнопки. Мальчик улыбался так, будто ему за это платят. Наверное так и есть.

Слоган: «Умные игрушки для умных детей».

— Концепт слабый, — сказал Ветров. — Я это вижу.

— О. Вы видите.

— Вижу. Поэтому не буду вам его продавать. — Ветров медленно подался вперёд и собрал листы в стопку, выровнял края и отложил в сторону. — Неделя. Мы соберём другую команду и покажем три направления. Одно из них вы возьмёте.

— У меня в понедельник совет директоров. — Клиент навис над столом. — Мне не нужны три направления. Мне нужна одна живая мысль. Сегодня.

— За пять минут живых мыслей не бывает.

— Тогда ярываю контракт. У простите.

— Как угодно.

Я перестала дышать. Клиент, кажется, тоже.

Ветров встал. Он был выше клиента на полголовы и, судя по всему, прекрасно об этом знал.

— Вы уйдёте к тем, кто сделает вам ту же жвачку, только с бантиком. И вернётесь ко мне в сентябре. Сезон вы к тому времени пропустите.

Клиент побагровел сильнее.

— Вы мне угрожаете?

— Я вам объясняю. — Ветров расстегнул пиджак. — Вы дали пять минут. За пять минут рождается только бред. Я бредом не торгую.

— То есть предложить вам нечего.

— Сегодня — нечего. В пятницу будет три варианта, как я и сказал.

Клиент посмотрел на часы. Демонстративно, вывернув запястье.

— Время вышло, Сергей Андреевич.

Он взял папку с подоконника и застегнул её.

— Всего доброго, — сказал Ветров.

Клиент вышел.

Дверь закрылась.

Ветров придвинул к себе моё резюме, взял ручку, собираясь дописать то, что не успел.

Я смотрела на его руку. На букву «О».

— Вы свободны, Алёна Аркадьевна. Вам позвонят.

— Нет.

Он поднял глаза.

— Простите?

Я полезла в сумку. На стол полетели ключи, зарядка, крем от солнца, упаковка мармеладных мишек и чек из аптеки.

— Что вы делаете? — спросил Ветров.

— Ищу.

Маркер нашёлся на дне.

Я подняла лист, встала и подошла к стеклянной стене. Чистая, до самого потолка, и за ней — весь опен-спейс в наушниках.

— Это стекло мыли утром, — сказал Ветров.

— Помоют ещё.

Я написала большими буквами:

ИСПЫТАНО ТЁМОЙ.

Ветров медленно откинулся в кресле.

— Кто такой Тёма?

— Мой сын. Восемь лет. Сегодня утром я посадила его в автобус в лагерь. Вы тоже там были. Помните?

— И при чём тут умные игрушки?

— При том, что в вашем ролике ребёнок сидит на белом ковре и аккуратно нажимает на кнопки. Вы такого ребёнка когда-нибудь видели?

Он молчал секунду.

— Видел. Моя дочь.

— Тогда вам повезло. Все остальные кормят игрушку

мармеладом, топят её в ванне, проверяя, всплывёт или нет, и называют капитаном.

Я начала рисовать. Кривой круглый штамп, как на школьной справке.

— Ваш производитель тестирует игрушки в лаборатории. Инженеры, протоколы, отчёты. Это никого не трогает. Мы переносим испытания к детям. Приёмная комиссия: пять человек от шести до девяти лет.

— Дети их ломают.

Ветров встал. Обошёл стол и остановился в паре шагов от меня, глядя на стекло.

— Серия роликов, — сказала я. — По тридцать секунд. Ребёнок роняет робота с дивана — робот встаёт. Ребёнок топит его в ванне вместе с уткой — робот работает. Ребёнок рисует ему усы и клеит наклейки — робот отзывается на новое имя. И подпись: испытание пройдено.

Я прижала ладонь к стеклу, обвела её маркером и вытерла руку об рукав пиджака.

— Значок на коробку. И строчка снизу: проверено детьми, а не лабораторией.

Ветров смотрел на мой штамп.

— Игрушка стоит четырнадцать тысяч, — сказал он.

— Значит, она обязана выживать за четырнадцать тысяч.

— Родители не любят, когда при них ломают дорогие вещи.

— Родители любят, когда дорогая вещь после этого рабо-

тает. — Я щёлкнула маркером по стеклу. — Мы не продаём поломку. Мы продаём то, что игрушка каждый раз возвращается целой.

Он молчал. Потом сказал:

— Восемь роликов на лето. Вертикальный формат.

— Первые три — до конца месяца, иначе мы пропускаем сезон.

— Значок печатаем на всей линейке. Включая склады.

Я обернулась к нему. Он всё ещё смотрел на стекло, и лицо у него было такое, будто он считает в уме и ему это нравится.

Дверь открылась.

На пороге вырос клиент, который совсем недавно хлопнул дверью. Папка под мышкой, телефон в руке, лицо уже не багровое.

— Господин Ветров, — сказал он, — ладно. Неделю я вам дам. Но в пятницу всё должно...

Ветров даже не повернул головы.

— Неделя не нужна, Виктор Павлович. У нас всё готово.

Я моргнула.

— Готово? — переспросил клиент.

— Гляньте.

Я начала сначала.

Виктор Павлович слушал стоя. Через минуту он положил папку на подоконник. Через две — подошёл к стеклу и потрогал пальцем мой кривой штамп.

Клиент засмеялся. За стеклянной стеной десять человек в наушниках синхронно подняли головы.

Он подошёл ко мне и протянул руку. Я пожала.

— Как вас зовут?

— Алёна.

— Алёна. — Он повернулся к Ветрову, и голос его загремел на весь кабинет: — Контракт ваш, если вести его будет эта девушка!

Он подхватил папку с подоконника и вышел, на ходу набирая кого-то по телефону.

Дверь закрылась.

Ветров медленно приблизился.

Я сделала шаг назад и упёрлась поясницей в край стола.

Он остановился передо мной. Достаточно близко, чтобы я разглядела, что глаза у него серые, а на скуле — крошечная царапина от бритвы.

Положил ладони на стол по обе стороны от меня.

И сказал тихо:

— Вы приняты на испытательный срок. Но если вы провалите хоть один дедлайн...

Глава 5

Я вышла из кабинета и только теперь поняла, что улыбаюсь во весь рот.

Меня взяли.

Шагала через опен-спейс мимо ровных рядов столов, мимо людей в наушниках, и держала спину так прямо, будто всю жизнь только и делала, что работала в топовом агентстве. Внутри всё пело.

Мой стол — у самого окна. Слева сидел дизайнер Костя — он поздоровался кивком и снова исчез за монитором. Справа стоял принтер, который возненавидел меня с первой минуты: зажевал первый же лист и мигнул красной лампочкой.

К обеду место уже выглядело вполне обжитым. Три стикера на мониторе, кружка с недопитым кофе, распечатки веером, маркер, второй маркер и куда-то закатившийся третий.

Кристина принесла бейдж и всплеснула руками:

— Как у вас тут уютно!

— Это называется «творческий беспорядок».

Она улыбнулась.

И я решила, что мы поладим.

За стеклянной перегородкой восседал Ветров. Он посмотрел на мой стол. Потом на меня. Потом снова на стол. И закатил глаза к потолку.

Первый день закончился тем, что клиент утвердил расклад-

ровку с первого раза. Костя снял один наушник и сказал:
— Ого.

По местным меркам это была овация.

Вечером, когда я собирала сумку, Ветров внезапно материализовался у моего стола.

— Волкова. В субботу придётся выйти на работу. Клиент хочет увидеть материал в понедельник утром. Нам нужен этот день.

— В субботу, — повторила я и вздохнула.

— На полдня. К обеду отпущу. Возражения есть?

Возражения были. В субботу я собиралась отвезти Тёмке второй кроссовок. Но работа стояла передо мной в тёмно-синем костюме и смотрела так, будто слово «нет» в этом кабинете вообще не существует. Да и кто станет отказываться в свой первый рабочий день?

— Никаких. Буду в девять.

— В десять. Я не садист.

Он ушёл, а я осталась с открытым ртом. Кажется, это была шутка. От человека, который шутил примерно раз в квартал, по большим праздникам.

Вечером я набрала сына.

— Мам! — Тёмка орал так, что я отодвинула телефон. — Тут озеро! И мы ловили лягушку! И Соня нарисовала её в блокноте!

— В каком блокноте?

— У неё настоящий планер для проектов.

— Понятно, — сказала я, хотя ничего не поняла. — Слушай, у меня две новости.

— Хорошая и плохая?

— Обе хорошие. Просто одна с условием. Меня взяли на работу.

— Мам, круто!

— И правда круто. — Я улыбнулась в темноту кухни. — А условие такое: завтра я работаю. Поэтому кроссовок привезу в воскресенье.

Я думала Тёма обидится. Но его реакция меня более чем удивила.

— Ага, в воскресенье! — обрадовался Тёмка. — Отлично! Приезжай в воскресенье!

— Тём. Ты чего такой довольный?

— Нормальный я.

— Нет, ты подозрительно довольный.

— Мам, тут лягушка. Мне некогда. Целую!

И бросил трубку.

Я посмотрела на погасший экран. Растёт сынок. И чего я растерялась? Это же прекрасно, что он стал меньше во мне нуждаться.

В субботу в офисе было тихо.

Ни телефонов, ни принтеров, ни гула кофемашины. Половина ламп погашена, жалюзи подняты, солнце лежало на пустых столах ровными полосами. Я прошла через опен-спейс, слушая собственные шаги, и остановилась.

Дверь кабинета была открыта. Ветров сидел за столом без пиджака, в рубашке с закатанными рукавами, и что-то правил в макете. Волосы чуть растрёпаны. Без идеального костюма он выглядел почти человеком. Странное зрелище.

— Опоздали, — сказал он, не поднимая головы.

Я посмотрела на часы. Десять ноль две.

— На две минуты.

— На две минуты.

— Вы сами сказали в десять. Я приехала в десять. С погрешностью, которую в приличном обществе округляют.

Он поднял глаза.

— Садитесь, Волкова. Работать будем здесь.

Мы разложили раскадровки на столе для переговоров. Восемь роликов. Робота роняли с дивана, топили в ванне, рисовали ему усы — и после каждого испытания на экране всплывал наш кривой штамп: «испытано детьми».

Работал он быстро. Видел то, что я пропускала: где ролик провисает, где ребёнок в кадре улыбается слишком по-рекламному, где слоган звучит фальшиво. Я злилась, спорила, а потом понимала, что он прав, и злилась ещё больше.

— Третий ролик уберите в конец, — сказал босс.

— Третий должен быть первым. Он самый смешной.

— Поэтому его и надо приберечь. Начнёте с лучшего — дальше только вниз.

— Или начнёте с лучшего — и вас досмотрят до конца.

Он откинулся в кресле и уставился на меня немигающим

взглядом.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Ваш вариант. Если клиент отвалится на середине — виноваты вы.

— Договорились.

Внутри я праздновала победу. Лицо держала спокойным и подвинула к себе следующий лист.

Через час у меня закончились силы и кофе. Я пошла к машине в углу кабинета, ткнула кнопку. Машина заурчала, кашлянула и выдала мне полстакана горячей воды. Без кофе.

— Она новая, — сказал Ветров, не оборачиваясь. — Её надо уговаривать.

— Я заметила. У вас тут всё меня недолюбливает. Принтер, кофемашина.

— Техника чувствует неуверенность.

— А я чувствую, что осталась без кофе.

Он встал, подошёл, забрал у меня стакан. Нажал сначала одну кнопку, подождал, потом другую — в только ему известном порядке. Машина покорно налила кофе. Он протянул мне стакан.

— Спасибо.

— Пейте. Работы ещё много.

Я вернулась к столу и снова заметила тот рисунок в рамке. Кривое солнце, кот, три человека. Он стоял среди идеально-го порядка — единственная живая вещь в кабинете.

— Это ваша дочь рисовала? — спросила я.

Ветров поднял глаза.

— В пять лет. — Он помолчал. — Только кот сбежал через неделю.

— Ох, — выдохнула я. — А что она о лагере говорит?

— Первый раз одна. Но говорит, у неё всё прекрасно. А ваш?

— Моему тоже нравится.

— Это внушает надежду.

На нижней койке корпуса сидели двое.

Соня держала планер. На странице ровным почерком было выведено: «Проект: поженить родителей». Ниже — план. Пункт первый: заставить их встретиться ещё раз.

— Готов? — спросила она.

Тёма кивнул и достал телефон.

— Только не переигрывай, — предупредила Соня. — Мама у тебя умная.

— А твой папа?

— Тоже. Поэтому плачь по-настоящему.

Они посмотрели друг на друга. Соня набрала воздуха и скорчила несчастное лицо. Тёма прижал ладонь ко рту, чтобы вышло жалобно.

Два пальца легли на два зелёных кружка.

— Три, — шепнула Соня. — Два. Один.

Два телефона зажужжали почти в одну секунду. На моём экране горело «Сынок». На его — «София». Мы перегляну-

лись на долю секунды и одновременно поднесли трубки к уху.

— Привет, солнышко.

В трубке зашуршало. Потом шёпот:

— Мам. Тут это. Ко мне пристают.

Я выпрямилась.

— Кто пристаёт?

— Хулиганы. Из старшего отряда. Большие. — Пауза. —

Отобрали печенье. Говорят, завтра заберут кроссовок.

— Один? — вырвалось у меня.

— Мам, это серьёзно!

Я уже вставала и хватала сумку.

— Ты где сейчас?

— В домике. Прячусь. Ты только не волнуйся...

— Никуда не выходи. Я еду.

Краем глаза я видела, как напротив поднимается Ветров.

Лицо закрытое, телефон у уха, свободная рука уже ищет ключи. Я не расслышала ни слова из его разговора. Но и без слов было ясно: он тоже уезжает.

Мы выскочили вместе. Каждый молчал. Каждый думал только о своём ребёнке.

И каждый сел в свою машину.

Малолитражка сестры выжимала всё, что могла. То есть немного.

Город остался позади. По обеим сторонам трассы встал сосновый бор. Я гнала и репетировала, что скажу этим хули-

ганам из старшего отряда. Слова подбирались нехорошие.

На сорок третьем километре я свернула на просёлочную дорогу прямо в лес. И ещё минут через двадцать машина кашлянула.

Я сбросила газ.

Она кашлянула снова. Под капотом щёлкнуло, зашипело, и из щелей пополз белый дым.

— Нет-нет-нет. Только не сейчас.

Я съехала на обочину. Мотор чихнул последний раз и заглох. Дым валил из-под капота.

Схватила телефон. «Нет сети».

Подняла его выше. К окну. К небу. «Нет сети».

Кругом — одни сосны. Ни заправки, ни дома, ни одной живой души.

Я вышла, обошла машину, подняла капот. Оттуда дохнуло жаром, и я отскочила. В моторах я разбиралась примерно так же, как в квантовой физике. То есть никак.

Тёмка прячется в домике. А я стою посреди леса рядом с дымящейся машиной.

Я вышла на край дороги и стала вглядываться вдаль. Пусто. Ни одной машины.

Прошла минута. Вторая. Я была готова броситься под колёса первому, кто появится.

И наконец, машина появилась.

Огромный чёрный внедорожник шёл прямо на меня, и я успела только зажмуриться.

Визг тормозов. Пыль накрыла меня с головой. Я закашлялась, замахала рукой перед лицом.

Бампер замер в сантиметре от моих колен.

Стекло со стороны водителя поехало вниз.

За рулём, в тёмных очках, сидел Сергей Ветров.

Глава 6

Сергей медленно снял очки. Его взгляд — тяжелый, пронзительный и откровенно оценивающий — скользнул по моему перепачканному лицу, а затем перешёл на дымящийся капот, который служил мне щитом.

— Вы меня чуть не сбили! — я закашлялась, отмахиваясь от пара. — У вас что, тормоза из ваты?

— Вы сами бросились под колеса, — сказал он лениво. — Впрочем, любовь к драматичным жестам вполне в вашем духе.

Дверца его черного внедорожника откинулась, и он вышел. Даже сейчас, направляясь к дочери в лагерь, Сергей выглядел так, словно только что вышел из зала заседаний: безупречный костюм, дорогая ткань, ни пылинки. Хотя чего я удивляюсь? Наверняка он, как и я, бросился с работы прямиком в лагерь. Рядом с ним моя малолитражка казалась не просто машиной, а личным оскорблением его эстетики.

Он обошел ржавое корытце и заглянул под капот. Поморщился. Отступил на шаг.

— Патрубок, — констатировал он.

— Что?

— Шланг радиатора. Он лопнул. Вы вообще представляете, на чем ездили по трассе?

— Сестра ездила на этом три года, — огрызнулась я. —

И нормально.

— Это не машина. Это насмешка над инженерной мыслью.

— Это машина моей сестры!

— У вашей сестры, должно быть, специфическое чувство юмора. И полное отсутствие инстинкта самосохранения.

Я уже открыла рот, чтобы выдать ему все, что думаю о его снобизме и дорогих ботинках, но тут перед глазами встал Тёмка. Желудок предательски сжался. Стало совсем тревожно.

— У вас сеть ловит? — спросила я.

Сергей достал свой гаджет — черный, тяжелый, наверняка стоящий как машина сестры, а то и больше. Поднял руку выше, поморщился.

— Одна палка.

Он набрал номер, прижал трубку к уху, вслушиваясь в тишину.

— Добрый день, это отец Софии Ветровой, второй отряд... — Он замолчал. Челюсть его напряглась, а в глазах вспыхнул опасный огонек. — Алло?

Тишина.

Он медленно отвел телефон от уха. Посмотрел на погасший экран с таким видом, словно гаджет его лично оскорбил, и сунул его в карман пиджака.

— Сорвалось, — бросил он сухо.

— И что она успела сказать?

— «Добрый день».

— Ого. Целая фраза.

Сергей развернулся и широким шагом направился к своему черному зверю, откинув тяжелую дверь пассажирского сиденья.

— Садитесь.

— Я вызову эвакуатор, — упрямо сказала я, не двигаясь с места.

Он остановился и медленно повернул голову.

— Кому именно вы собираетесь звонить? Лесным белкам? Или, может быть, попросите эвакуатор прилететь на крыльях?

Я посмотрела на свой телефон. «Нет сети». Затем на развалюху сестры. Потом на бесконечную ленту шоссе, где до самого горизонта тянулись лишь равнодушные сосны.

— Ладно, — вздохнула я, признавая поражение. — Я вынуждена сдать ся.

— Разумеется. У вас нет выбора. Как, впрочем, и у меня.

Я схватила сумку, захлопнула дверь малолитражки и подошла к его внедорожнику. Порог оказался предательски высоким. Я потянулась, неловко зацепилась шпилькой за резиновый коврик и на секунду повисла в воздухе, судорожно вцепившись в ручку.

Тяжелая, горячая ладонь легла мне на поясницу, а другая уверенно взяла под локоть. Один легкий толчок — и я оказалась в салоне.

— Спасибо, — выдохнула я, поправляя юбку.

— Не стоит благодарности, — отозвался он, обходя машину. — Пристегнитесь.

В салоне пахло дорогой кожей и слегка табачным дымком. Не думала, что у босса могут быть вредные привычки. На приборной панели — ни единой пылинки. В подстаканнике гордо красовалась бутылка воды, и, о ужас, этикетка была повернута строго на меня.

— У вас тут как на музейной выставке, — не унималась я.

— Это просто порядок, — произнес он, плавно заводя двигатель.

— Одно и то же.

— Нет. — Он уверенно вырулил на шоссе. — Порядок — это когда ты знаешь, где что лежит. Выставка — это когда ничего нельзя трогать. Только смотреть.

Я откинулась на сиденье и вдруг с удивлением поняла, что впервые за последний час дышу полной грудью.

— Что вам сказала дочь? — спросила я тише, глядя на его напряженную руку, лежащую на руле.

Его челюсть сжалась.

— Соня сказала, что ее обижают девочки из четвертого отряда. Отобрали заколку. Она плакала. — Он помолчал, а потом добавил: — А она не плачет с шести лет.

— А мой сказал, что у него отняли печенье, — вздохнула я. — И что завтра заберут кроссовок.

Сергей резко повернул голову. В его темных глазах мельк-

нуло искреннее недоумение.

— Кроссовок? Один?

— Да. У него там только один. Долгая история.

— Я никуда не спешу. У нас в запасе сорок минут. Я вас слушаю.

— Он забыл второй дома. Точнее, он был свято уверен, что второй в сумку положу я.

— И вы не проверили рюкзак перед выездом?

— Проверила, конечно... — замялась я.

— Значит, плохо проверили. И в этом вся вы.

— Знаете что, Сергей Андреевич? — Я развернулась к нему, упираясь локтем в безупречный подлокотник. — Вот за это вас на работе никто и не любит.

— Меня на работе уважают, — парировал он, не отрывая взгляда от дороги. — Это куда выгоднее.

— Спорно.

В ответ он издал низкий, вибрирующий звук, отдаленно напоминающий усмешку, но спорить не стал. Машина плавно набирала скорость, увозя нас вглубь леса.

Дорога сужалась. Сосны подступили к обочине вплотную, и в салоне потемнело. Я подняла глаза и увидела, что небо над лесом стало фиолетовым. Прямо как мой йогурт на его пиджаке. Или даже темнее.

— Это что?

— Гроза, — сказал Сергей. — Обещали к вечеру.

— Сейчас два часа дня.

— Значит, обещали неточно.

Первая тяжелая капля шлепнулась прямо в центр лобового стекла. За ней — вторая. А через десять секунд по крыше загрохотало так, что я вздрогнула.

Сергей включил дворники на максимум. Они метались в истерике и всё равно не справлялись. Мир за окном стремительно превращался в серую, враждебную кашу.

— Может, остановимся? — предложила я, невольно вжимаясь в кожаное кресло.

— На узкой лесной дороге? — Он чуть сбросил скорость.
— Нет.

Навигатор на панели издал жалобный писк. Синяя стрелка дёрнулась, съехала с маршрута и повисла посреди сплошного зелёного пятна.

— Она уехала в лес, — констатировала я.

— Вижу.

Стрелка судорожно крутанулась вокруг своей оси. Экран мигнул. Голос из динамика бодро объявил:

— Через триста метров поверните направо.

— Там нет направо, — сказала я.

— Через сто метров поверните направо.

Сергей молчал. Его профиль стал жестче, черты заострились.

— Поверните направо, — настаивал робот.

— Не поворачивайте, — одними губами произнесла я.

И именно в этот момент справа, словно по чьему-то злому

умыслу, из стены деревьев вынырнул съезд. Узкая, размытая грунтовка ныряла в непроглядную чащу, смыкая над собой мокрые ветки.

— Маршрут перестроен, — радостно сообщил навигатор. Сергей притормозил у самого поворота. Дворники продолжали бешеную пляску.

— Это какой-то абсурд, — глухо произнес он. — Электроника сошла с ума. Впрочем, чего еще ждать.

— Вы серьёзно собираетесь туда ехать?

Он бросил на меня тяжелый взгляд. И вывернул руль.

Первые пару минут грунтовка еще держалась. Она была узкой, но относительно твердой, и тяжелый джип рвал колею. Но дождь барабанил по крыше все яростнее, ветки хлестали по бортам, а я мертвой хваткой вцепилась в ручку над дверью.

— Видите? — в его голосе послышались торжествующие нотки. — Дорога есть.

— Я вижу тропу, которая страдает манией величия, — парировала я.

— Вы всегда спорите с людьми?

— Только когда люди везут меня в болото по совету калькулятора.

Экран мигнул в последний раз. Стрелка исчезла, уступив место бездушной надписи: «Поиск спутников».

Сергей посмотрел на мертвый экран. Потом на дорогу. Грунтовка впереди стала ржаво-рыжей, и по ней стремитель-

но текли мутные ручьи.

— Хватит уже, разворачивайтесь, — сказала я.

— Здесь негде.

— Тогда сдавайте назад.

Он сжал руль.

— Три километра задним ходом в ливень?

— Лучше три километра назад, чем всю жизнь вперёд!

Он медленно повернул голову. В его темных глазах вспыхнул опасный огонек, а челюсти сжались до предела. Он не сказал ни слова, но джип с низким рычанием рванул вперед, мощно разбрызгивая грязь.

Грунтовка предательски пошла под уклон. Глубокая колея превратилась в ручей, глина под тяжелыми колесами поплыла, и джип начало методично водить из стороны в сторону. Я вцепилась в ручку над дверью уже обеими руками.

— Сергей Андреевич, — осторожно начала я.

— Вижу, — бросил он.

— Сергей! — не выдержала я, когда машину резко дернуло.

Правое переднее колесо с влажным чавкающим звуком провалилось в яму. Джип жестоко клюнул носом. Днище с противным скрежетом проехало по глиняному гребню, и мы замерли, повиснув на брюхе.

Сергей стиснул зубы, и в его глазах вспыхнул опасный огонек. Он резко вдавил педаль газа.

Колеса взвыли, буксуя в пустоту. Мотор зарычал, надры-

ваясь, и по лобовому стеклу с тяжелым шлепком плюхнулась бурая жижа. Потом еще. И еще. Дворники, продолжая безумный танец, размазывая грязь.

Сергей медленно убрал руки с руля и заглушил мотор.

Он смотрел прямо перед собой, в мутное стекло.

— Ну что ж, — сказал он. — Кажется, мы приехали.

Я выдохнула, отпуская ручку.

— Да.

Глава 7

— Твою мать!

Оказалось, что Сергей Ветров умеет ругаться.

— Повторите, — попросила я.

— Нет.

— А я теперь знаю, что вы тоже человек.

— Простите?

— Молчу.

Он вышел под дождь. Я подождала три секунды и вышла тоже.

Вода лилась стеной, и волосы прилипли к лицу за пару мгновений. Джип сидел в колее по самые пороги. Из-под днища торчала глина.

Сергей присел на корточки, заглянул под машину и поднялся.

— Пока не закончится дождь, всё бесполезно, — сказал он. — Но мы всё же попробуем.

— Никаких вариантов?

— Есть лопата в багажнике.

— У вас в багажнике лопата?

— И трос. А ещё аптечка и два одеяла. Вы довольны?

— К концу света готовитесь?

— Я готовлюсь к разным обстоятельствам.

Он достал лопату и начал отгребать глину от переднего

колеса. Я стояла и смотрела примерно четыре секунды, потом полезла в багажник, но там больше ничего не оказалось.

Я подобрала ветку и стала выковыривать глину.

— Не занимайтесь ерундой, — сказал он.

Через двадцать минут были выкопаны две ямы. Мы натаскали веток и уложили их в колею.

Сергей выпрямился и вытер лоб запястьем. На щеке у него осталась рыжая полоса.

— Садитесь за руль, — сказал он.

— Я?

— Кто-то должен толкать.

— Логично.

— Газ добавляйте плавно. Плавно, Алёна.

— Я поняла.

— Повторите.

— Плавно!

Я забралась в салон. Сергей упёрся руками в задний бампер и крикнул:

— Давайте!

Я дала.

Мотор взвыл, колёса завертелись, и джип дёрнулся вперёд сантиметров на десять. Слишком резко. Потом обратно.

В зеркале я увидела Сергея.

Точнее, я увидела фигуру, покрытую глиной от ботинок до подбородка. Она стояла и, кажется, медленно моргала. Хотя точно уже было не разглядеть.

Я заглушила мотор и вышла.

— Это вышло само, — сказала я.

— Разумеется.

— Правда само!

— Послушайте. — Он снял с плеча комок глины и бросил его на землю. — Всего за несколько дней вы вылили на меня йогурт и облили меня грязью. Что будет в понедельник?

Я засмеялась. Он посмотрел на меня и вдруг тоже улыбнулся, и улыбка у него оказалась очень красивая и совершенно человеческая.

Я шагнула к нему, чтобы убрать глину со второго плеча и поскользнулась.

Он поймал меня за локоть, но глина под его ногами поехала тоже, и мы упали вдвоём. Я упёрлась ладонями ему в грудь, чтобы удержаться. Под мокрой рубашкой было тепло.

— Вам определённо нравится валять меня по земле, — сказал он.

Я убрала руки.

— Машину надо вытаскивать трактором, — сказал он. — Нам нужна связь. Но для начала — встаньте с меня.

— Ой, — выдохнула я и поднялась на ноги. — И, думаю, дети там переживают.

Мы прошли по грязи назад метров триста и поднялись на пригорок, где сосны расступались. Сергей поднял телефон над головой и медленно повернулся вокруг себя.

— Две палки. Стойте здесь и не двигайтесь.

— Я и не двигаюсь.

— Лагерь «Сосновый бор»? — сказал он довольно громко. — Это отец Софии Ветровой... Да. Да, я звонил. Нас прервали.

Пауза. Он слушал. Лицо у него менялось.

— Понятно, — сказал он. — А заколка?

Ещё пауза.

— Дайте ей трубку, пожалуйста.

Я подошла ближе и стала откровенно подслушивать. Он даже не стал делать вид, что против.

— София. Что там у тебя? — Он помолчал. — Я еду, но мы застряли в пути. С мамой мальчика, который с тобой в лагере. — Он посмотрел на меня. — Да. Машина в колее. Не знаю, когда доедем.

В трубке что-то радостно пискнуло.

Сергей отвёл телефон от уха и посмотрел на него.

— Она сказала «отлично».

— Что?

— Она сказала «отлично, папа». — Он снова прижал трубку. — София, повтори... Ага. Ты сказала «жалко». Понятно.

Он отдал мне телефон.

— Ваш рядом. Ждёт.

Я схватила трубку.

— Тёмка?

— Мам! Ты где?

— В лесу.

— В каком лесу?

— В обыкновенном. Мы застряли. Машина села в грязь, тётин машина сломалась, у меня телефон разряжен, и я вся в глине. Прости.

— Так даже лучше, мам!

Я замерла.

— Что?

В трубке зашуршало. Потом кто-то отчётливо зашипел, потом Тёмка сказал слишком спокойным голосом:

— Я говорю, жалко, конечно. Но у нас тут уже всё решилось. Как приедешь, так и хорошо.

— Точно?

— Конечно. Мам, мне пора, тут полдник. Целую!

Короткие гудки.

Если честно, я ничего не поняла.

— Они какие-то странные, — сказала я.

— Вынужден признать, вы правы.

Мы посмотрели друг на друга.

Мы шли по грунтовке уже сорок минут.

Дождь стих до мелкого, но легче от этого не стало. Мои туфли давно превратились в два глиняных комка, и я несла их в руке, шлёпая по лужам в ботинках Сергея. Ботинки были на четыре размера больше. А сам он шагал босиком.

— Я похожа на клоуна, — сказала я.

— Думаю, вы это переживёте.

За поворотом лес расступился, и, наконец, появился асфальт.

Через дорогу горела вывеска. Зелёные буквы моргали через одну: «МОТЕЛЬ ТРИ СОСНЫ». Ниже — «Свободные места».

Я готова была расцеловать эту вывеску.

Мы перешли дорогу, и Сергей толкнул дверь. Внутри пахло кофе, работал телевизор, за стойкой сидела женщина в вязаной кофте и раскладывала карты.

Она подняла глаза на нас двоих — мокрых, в глине, с грязными туфлями в руках.

— Ой, — выдохнула она.

— Добрый вечер, — сказал Сергей. — Нам два номера.

Женщина отложила карты и посмотрела в журнал.

— Два не получится.

— Почему?

— Во-первых, у нас ремонт и номеров мало. А во-вторых, автобус с рыбаками. — Она развернула журнал к нам. — Остался один. Тринадцатый.

— Я оплачу любой. Хоть служебный.

— Милый мой, у меня и служебный занят. — Она пожала плечами и придвинула ключ на деревянной груше. — Один номер. И кровать там, я вас сразу предупреждаю, одна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.